

Петр Немировский

ФРАНЦИСК АССИЗСКИЙ

Рассказ

1

Всю ночь я думал о предстоящей рыбалке, ворочался с боку на бок, часто смотрел на часы в своем мобильном телефоне — боялся проспать.

Вечером накануне я выставил электронный будильник на пять утра, несколько раз перед сном напомнил папе, чтоб и он не забыл на своем телефоне поставить будильник на пять утра.

Завтра я наловлю мно-о-ого рыбы. Нет ничего прекрасней рыбалки! Ни мороженое, ни катание на велосипеде, ни даже игры на компьютере не могут сравниться с рыбалкой. Конечно, это не означает, что я не люблю есть мороженое, кататься на велосипеде и, тем более, играть на компьютере. Но рыбалка — это нечто особенное.

Когда родители спрашивают, кем я хочу быть, когда вырасту, ответ у меня готов — рыбаком. Недавно я заявил родителям, что хочу бросить школу. «Почему?» — «Потому, что уже умею считать, читать и писать, а рыбаку другие знания не нужны. Рыбаку нужна удача».

Мы долго спорили с родителями, пока наконец я не согласился: школу окончу, но в колледж не пойду. Сразу куплю себе катер, снасти, высокие резиновые сапоги и с утра до ночи буду рыбачить.

Пойманную рыбу буду продавать. Для этого открою свой магазин: найму работников, может, даже родители согласятся там чистить рыбу и стоять на кассе. У нас будет настоящий семейный бизнес.

Папа пожал мне руку —: мол, сделка состоялась. Мама, правда, проворчала, что колледж все-таки нужно будет окончить.

2

— Когда-то мы с мамой ездили в Италию, ты тогда еще не родился и лежал у мамы в животе, — рассказывал папа, когда утром мы ехали с ним в машине. — Так вот, во Флоренции мы вошли в знаменитый собор Санта Кроче. А там хранится ряса святого Франциска Ассизского — давным-давно жил такой мужчина. Лежит за стеклом такая себе темная ряса и веревка, которой святой Франциск подпоясывался.

Зевая, я смотрел в окошко, где в рассеивающихся сумерках проступали очертания домов и деревьев.

Папа продолжал:

— Мы осмотрели в том соборе росписи на стенах, и мама пошла дальше, а я все стоял перед рясой как прикованный, не мог сдвинуться с места! И вдруг — сам не знаю, что на меня нашло — начал молиться и благодарить Бога! И едва не расплакался, представляешь? А всему виной — кусок грубой материи и обычная веревка. Да, иногда в нашей жизни случается нечто такое, что трудно объяснить... Вернувшись из Италии в Нью-Йорк, я прочитал житие святого Франциска. Оказывается, он был удивительным человеком — отдавал ближнему последнее что имел. Кстати, он проповедовал не только людям, но и животным, и птицам, и рыбам.

— Это как?

— Если на его пути встречалась река или озеро, он шел туда и с берега начинал учить рыб любить Бога. Они подплывали к нему, высунув головы из воды. Собирались и другие слушатели: лягушки, улитки, черепахи. Отовсюду слетались птицы, приходили звери. Все слушали святого Франциска. Говорят, он и сегодня помогает людям и всем живым существам, он все еще бродит по земле...

Папа еще что-то рассказывал, но мои веки отяжелели, и я заснул.

3

Тр-р-р! — протянутая сквозь ушки спиннинга леска быстро разматывается в катушке; темное грузило с двумя болтающимися крючками летит над заливом.

Я крепко держу спиннинг. Смотрю как грузило — бултых! — падает в воду, и кругом разлетаются брызги.

— Молодец! — хвалит папа. — Ты научился хорошо забрасывать.

Я пытаюсь установить спиннинг между двух камней, но он падает. Подняв его, я случайно вступил в воду, промочив носки и кроссовки. Была бы сейчас здесь мама, она сразу бы заставила меня надеть сухие носки. Но сегодня она с нами не поехала, а папа ничего не заметил.

— Йеп! Йеп! Зацепил! — воскликнул я.

О-о, этот блаженный миг, за который можно отдать все на свете — и мороженое, и велосипед, и даже компьютер! Когда рыба клюет и в моих напряженных руках дергается удилице, мне кажется, что я на седьмом небе от счастья.

Интересно, кто же на крючке?

4

— Поймали что-нибудь? — спрашивает подошедший дядька.

Этот дядька — бездомный.

Неподалеку от места, где мы ловим рыбу, в рощице, стоит его палатка. Мы проходим мимо неё всякий раз, когда по тропинке направляемся к

берегу. Возле палатки настоящая свалка: повсюду разбросаны пустые банки и бутылки, на земле валяются одеяла в прожженных дырах, стоит кресло-каталка для инвалидов с ворохом хлама на сиденье.

По словам папы, этот дядька — бомж и алкоголик. Непонятно, какого он возраста и какой расы — то ли чернокожий, то ли мулат. Всегда нечесаный, в лохмотьях и растоптанных кроссовках без шнурков или вообще босиком.

В прошлый раз он к нам тоже подходил, спрашивал, хорошо ли клюет. Но тогда была плохая погода, не клевало вообще, и дядька сразу ушел.

— Мой сын только что поймал окуня, — отвечает ему папа, кивнув в мою сторону.

— Бой, покажи, что ты поймал, похвастайся, — обращается бомж ко мне.

От него несет перегаром. Не дождавшись ответа, он вытаскивает из воды садок с одной пойманной рыбой.

— Какая красивая рыба! Отдай ее мне! — просит он, с хитроватым прищуром глядя на меня.

— Не дам! — я вырываю у него из рук садок. — Это моя рыба!

Мне хочется размахнуться спиннингом и ударить его!

Он кривит лицо, будто ему больно.

— Ты плохой бой. Ты злой. Fuck you, — ворчит он.

— Не говори такое моему сыну, — вмешивается папа. — Нельзя так разговаривать с детьми.

Бомж медленно разворачивается лицом к папе. Сжимает огромные грязные кулаки.

Они стоят друг напротив друга: бомж выше папы и шире его в плечах. Если он сейчас кинется на папу и убьет его, что будет со мной? Мне хочется бежать домой, к маме.

— Сорри, виноват, — извиняется бомж.

Он отходит, садится на какое-то бревно, закуривает.

Неподалеку от нас, в воде на тощих лапах стоит серая цапля. Изредка, наклоняясь, цапля вонзает острый клюв в воду и что-то выдергивает оттуда.

Поодаль от нее стоит черная цапля. Случается, она срывается с места и летит в нашу сторону, но серая цапля с криком летит ей на перехват и отгоняет от своих владений.

Каждый раз, когда мы здесь, я наблюдаю эту сцену — войну двух цапель.

— О-о! Уо-о... — вдруг кричит бомж, вставая и протягивая вперед руки.

То ли он поет, то ли хохочет.

С противоположного берега сразу срывается стая уток; чайки, цапли — все летят к нему. Птицы знают — сейчас их будут кормить.

Продолжая петь и хохотать, бомж достает из кармана булку, отрывает от нее кусочки и бросает птицам.

Я вижу, как из кустов выбегает кот! Дикий полосатый кот бежит к бомжу, перепрыгивая через упавшие ветки и лужи. Кот становится на задние лапы, а передние упирает в ноги бомжа. А затем танцует на задних лапах. Бомж берет кота за шкурку, поднимает и... целует в морду.

Как страшно!

И как красиво здесь! Высокое небо, и травы высокие, словно позолоченные солнцем; вода в заливе переливается такими нежными

оттенками, что трудно передать словами. Если бы я не хотел стать рыбаком, то обязательно стал бы художником.

5

— Вот так: провели мы здесь с тобой целый день, а поймали только одну рыбку, — говорит папа, вытаскивая из воды садок. — Возьмем ее домой? Или лучше выпустим, пусть плавает?

— Возьмем, — отвечаю я сердито.

— Хорошо, — соглашается папа. — Тогда давай собираться, пора домой.

Мы складываем снасти и идем через рощу по тропинке к нашей машине. Проходим мимо палатки бомжа-алкоголика.

Он сидит на земле, ноги враскорячку, и весь как-то странно трясется. Даже не смотрит в нашу сторону.

— А-а-а! — вдруг издает он страшный вопль. Падает на землю, лицом на камни и ветки. — М-мм... Хр-хр... — хрипит задыхаясь.

Папа ставит сумку на землю, быстро подходит к бомжу. Присев рядом, переворачивает его на бок. Нащупывает у него пульс, подложив под голову свою ладонь.

Я стою в нескольких шагах, и мне видно, что лицо бомжа в крови, в грязи и прилипших листьях.

— Хэ-хэ, — хрипит бомж, продолжая трястись. Его ноги дергаются, как у лягушки, которую оглушили камнем.

Папа достает мобильник, звонит:

— Не знаю его имени, на вид ему лет пятьдесят. Он бездомный. Похоже на эпилептический удар. Скоро приедете? Хорошо, буду ждать.

6

Едем в машине домой. Перед моими глазами сцена: санитары кладут бомжа на носилки и, привязав ремнями, несут к фургону «Скорой помощи». Бомж большой, черный, грязный, страшный...

— Надо было отдать ему нашу рыбу, — говорит папа, притормозив на повороте. Похоже, он чем-то расстроен.

Меня охватывает такая злость, что я начинаю бить ногами в спинку переднего сиденья.

— Перестань! — велит папа. — У тебя мокрые и грязные кроссовки.

Но я назло ему еще сильнее бью ногами по спинке сиденья.

Потому что это моя рыба! Никому ее не отдам.

7

Никогда до сих пор я не был так несчастен, как в этот последний месяц лета.

Как и прежде, по выходным мы ездили на залив. Папа и другие рыбаки помаленьку ловили, а у меня не было ни одного клева! Будто бы какой-то злой колдун наслал на меня чары.

По ночам я часто плакал. Уже не зная кого просить, обращался к Франциску Ассизскому: «Святой Франциск! Ты помогаешь всем несчастным, даже лягушкам и крабам. Почему же ты не хочешь помочь мне? Почему у меня не клюет?..»

Бомж-алкоголик не возвращался. Папа сказал, что, наверное, он в каком-нибудь госпитале на лечении. А после лечения ему помогут с жильем, и сюда он уже вряд ли вернется.

Жаль! Залив без бомжа опустел: никто больше не кормил птиц, не пел песни крабам, не дрессировал кота.

А еще... я чувствовал себя виноватым, что тогда не отдал ему свою рыбу.

8

В то осеннее утро выдалась на диво теплая погода. Мы с папой шли по тропинке к нашему месту на берегу.

Когда мы проходили мимо палатки бомжа, я увидел, что над тлеющим кострищем вьется дымок. Из палатки вдруг выскочил дикий кот и скрылся в кустах.

— Бомж вернулся! — воскликнул я и побежал к берегу.

— Хэлло, — я протянул ему руку. Только сейчас я понял, как соскучился по нему.

— Хэлло, бой, — он пожал мне руку в ответ.

Бомж сидел на большом камне у воды, в темном халате, перевязанном поясом. Курил.

Сейчас он выглядел более-менее ухоженным, не таким лохматым и грязным, как прежде.

— Ты уже вылечился? — спросил я.

— Да, меня прооперировали и из госпиталя направили на реабилитацию. Но я оттуда сбежал.

— Правильно сделал, что сбежал, — поддержал его я. — Только не говори об этом моему папе. Мой папа медбрат, захочет тебя опять лечить.

— Спасибо, что предупредил.

— Давай ловить рыбу вместе.

— Нет, как-нибудь в другой раз, не сегодня, — он подозрительно покосился на подошедшего папу. — О'кей, бой, мне пора, меня ждут, — отбросил окурок и, поднявшись, пошел вдоль берега.

Из птиц первой его увидела серая цапля: она устремила на него маленькие острые глазки и захлопала крыльями.

9

В тот день я наловил полный садок рыбы!

Поздно вечером я лежал в своей кровати, прикрыв глаза. Мне казалось, что я не дома, а все еще на заливе: держу спиннинг, и некто таинственный в воде дергает за крючок.

Я блаженно вдыхал запахи водорослей и палых листьев.

Мне мерещился мужчина в темной рясе, подвязанной поясом. То ли это был святой Франциск, то ли бомж. Утопая в золотистых травах, он не шел, а словно скользил по земле, по колючкам и разбитым бутылкам, едва касаясь их босыми ногами, и там, где проливалась его кровь, вырастали живые цветы.